

**МИНИСТЕРСТВО ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
И ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ**

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ И МИРА

Международная научная конференция

19-21 сентября 2019 г.

Махачкала 2019

УДК 81
ББК 81.2
Я-41

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор: доктор филол. наук, проф. М.А Гасанова

Члены редколлегии: доктор филол. наук, в.н.с. С.Х. Шихалиева,
доктор филол. наук, проф. У.У. Гасанова

Я-41 Языки и культуры народов России и мира. Международная научная конференция. 19-21 сентября 2019 г. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – 516 с.

ISBN 978-5-00128-287-7

В сборник включены материалы участников Международной научной конференции «Языки и культуры народов России и мира». Статьи посвящены различным аспектам исследования языков и литератур народов России, а также актуальным проблемам сохранения, изучения и развития языкового и культурного разнообразия народов мира.

Сборник предназначен для специалистов – лингвистов, фольклористов, литературоведов, этнографов, религиоведов и широкого круга читателей, интересующихся культурой языков России и мира.

ISBN 978-5-00128-287-7

© Издательство «АЛЕФ», 2019

5. Зязиков М.М. Сокровища старины глубокой / Антология ингушского фольклора в 10-ти томах. Т.1. Составление, перевод и комментарии И. А. Дахкильгова. Мифы. Обрядовый фольклор. Нальчик, Издательский центр «Эль-Фа», 2003.

6. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта: Наука, 2008.

7. Мартазанова Х. М. И. А. Дахкильгов – ученый, писатель, патриот, гуманист //Сборник докладов международной научно-практической конференции, посвященной 25- летию Республики Ингушетии. Магас, 2017. С. 140-146.

8. Николина Н. А.Филологический анализ текста. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 256.

9. Тимофеев Л. И. Основы теория литературы.М., «Просвещение», 1976. 480 с.

10. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник для студ. выш. Учеб. заведений / В.Е. Хализев. – 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2009. С. 280.

УДК 811.351

КАТЕГОРИЯ КОНТРАСТИВНОСТИ («РЕСТРИКТИВНОСТИ») В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Т. А. Майсак

Институт языкознания РАН,
г. Москва

В работе описывается категория контрастивности (в других терминах, «рестриктивности»), впервые выделенная для ряда дагестанских языков в работах О. Ю. Богуславской. В самом общем виде функция показателей контрастивности связана с указанием на выбор из множества альтернатив. На примере текстовых корпусов двух языков, андийского и рутульского, описано морфосинтаксическое поведение и значение контрастивных показателей. Показана частотность контрастивных показателей с определениями и словами «один» и «другой», совместимость с именными и наречными группами. Сделаны выводы о сходствах и различиях в употреблении близких по базовой функции показателей разных языков.

¹ Работа над статьей выполнена в рамках проекта РФФИ №18-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии».

Ключевые слова: дагестанские языки, андийский язык, рутульский язык, контрастивность, рестриктивность, текстовые корпуса.

The paper describes the category of ‘contrastivity’ or, in other terms, ‘restrictivity’, which was established for Daghestanian languages by Olga Boguslavskaja in 1980s. Contrastive markers, which express the choice of an element from a set of alternatives, are affixes or clitics in a number of languages of Daghestan. In the paper, the semantics and morphosyntactic properties of contrastive markers of two languages is described, namely Andi (Andic) and Rutul (Lezgif). It is shown that in the text corpora contrastive markers are especially frequent with attributes (adjectives and participles) as hosts, and also with words ‘one’ and ‘other’; at the same time, contrastive markers are also compatible with noun phrases and adverbials.

Keywords: *Daghestanian languages, Andi language, Rutul language, restrictivity, contrastivity, text corpora*

Введение. Выражение различных семантических категорий, в том числе *контраста* (выбора из множества альтернатив), может по-разному реализовываться в языках мира – как интонационно, так и лексически или же грамматическими средствами. Особенностью ряда дагестанских языков является именно грамматикализованное, морфологическое выражение контрастивности при помощи аффиксальных (или клитических) показателей. Поскольку категория контрастивности нечасто обсуждается в литературе, мы начнем наше изложение с краткой истории ее обнаружения в языках Дагестана.

В 1980-е гг. О. Ю. Богуславская (МГУ им. М. В. Ломоносова) выделила для ряда дагестанских языков грамматическую категорию *рестриктивности* – «смысловое и формальное противопоставление, характерное в первую очередь для адъективов», т.е. для прилагательных и причастий [1, с. 34]. Определения могут быть нейтральными с точки зрения рестриктивности либо маркированными как рестриктивные; в последнем случае рестриктивность выражена специальным показателем. Значение категории рестриктивности формулируется следующим образом: «Если маркированно рестриктивное определение X зависит от существительного Y, то это означает, что Y в данной ситуации мыслится в составе множества однотипных с ним Y-ов и выделяется из этого множества по признаку обладания свойством X (‘тот (те, такие) из Y-ов, который (которые) X’)». Так, например, если сравнить пару словосочетаний из дубекского говора табасаранского языка *лидзи хини* ‘белая корова’ и *лидзи-суб хини* ‘белая корова’, то

формально определение во втором сочетании отличается наличием показателя *-суб*. На семантическом же уровне «объект (корова) мыслится в составе множества подобных ему объектов и выделяется из этого множества по признаку обладания свойством, описываемым посредством определения (белизны)» [1, с. 35]. Неформально второе сочетание можно перефразировать как «та корова, которая белая (в отличие от остальных коров)».

В диссертации О. Ю. Богуславской рестриктивные показатели отмечаются для восьми идиомов: ахвахского, чамалинского, бежтинского (тлядальский говор), хваршинского (инхокваринский говор), лакского, чирагского даргинского, дубекского табасаранского и кондикского табасаранского [1, с. 34], см. также обзор в статье [1, с. 236]. В большинстве этих языков маркированные по рестриктивности определения противопоставлены нейтральным, которые не содержат специальных показателей. В части же языков семантически нейтральные определения содержат специальный атрибутивный показатель (*-сса* в лакском, *-зе* в чирагском). Категория рестриктивности, по О. Ю. Богуславской, может охватывать, помимо собственно адъективов (прилагательных и причастий), также генитивы и так наз. «атрибутивы», т.е. словоформы с регулярным атрибутивным показателем. В работе высказывались сомнения в применимости именно термина «рестриктивность» к описываемому О. Ю. Богуславской противопоставлению. Авторы отмечали, что понятие рестриктивности не обязательно предполагает наличие в универсуме дискурса других сходных объектов, отличающихся только по релевантному свойству. Кроме того, в некоторых дагестанских языках «рестриктивные» показатели могут сочетаться не только с определениями, но и с именными группами без определения, имея тем самым другую функцию. В связи с этим в качестве более подходящего термина вместо «рестриктивности» было предложено использовать «контрастивность»: в этом случае подразумевается, что референт, для которого истинна пропозиция, выделяется из ограниченного множества референтов и противопоставляется остальным. Данную трактовку принимают Н. Р. Сумбатова и Ю. А. Ландер, описывая категорию контрастивности в тантынском даргинском (показатель *-ил*, мн.ч. *-те*), см. [2, с. 220]. Далее мы также будем пользоваться именно терминами «контрастивный» и «контрастивность».

Материал и задачи исследования. Впервые идентифицировавшая класс контрастивных (в ее терминах, «рестриктивных») показателей О. Ю. Богуславская не рассматривает подробно их употребление. В

конкретно-языковых описаниях такие морфемы, как правило, также в лучшем случае лишь упоминаются (например, в разделе про частицы). Одним из исключений является работа [2, с. 220], в котором контрастивным показателям в тантынском даргинском посвящен специальный раздел.

В нашем исследовании мы обратились к анализу контрастивных показателей на корпусном материале – в центре внимания находился вопрос о том, какие именно слова (синтаксические составляющие) чаще всего модифицируются контрастивными показателями и насколько велико различие в их употреблении в разных языках. Были рассмотрены по два подкорпуса для двух дагестанских языков, андийского (аваро-андийская группа) и рутульского (лезгинская группа), в обоих случаях одним подкорпусом был сборник сказок, а другим – перевод Евангелия от Луки. Общее число примеров с контрастивными показателями составило около 150 для андийского (при общем объеме корпуса 28 тыс. слов) и около 100 для рутульского (при общем объеме корпуса 38 тыс. слов).

Контрастивный показатель в андийском языке. В андийском языке контрастивный показатель имеет вид *-гъиб* в андийском и в зилловском говорах и *-кIоб* в рикванинском говоре [3, с. 315]; в гагатлинском говоре используются оба варианта, ср. *буртIа* ‘богатый’ > *буртIа-кIоб* ‘тот, который богатый’, *буртIа-гъиб* ‘тот, который богатый’ [4, с. 122]. В качестве именно контрастивного показателя *-гъиб* охарактеризован в упомянутой выше статье Анны А. Зализняк и В. В. Туровского, основанной на данных экспедиций МГУ им. М. В. Ломоносова.

Для нашего анализа мы привлекли два больших (и, насколько нам известно, пока единственных) текстовых источника по андийскому языку – это переведенный и изданный в 2010 году сборник 13 сказок народов мира и опубликованный в 2015 году перевод Евангелия от Луки; ссылки на данные издания см. ниже в списке источников. Оба они представляют собственно андийский говор. В сборнике сказок показатель *-гъиб* использован 36 раз¹, в переводе Евангелия – 113 раз. Данные по употреблению *-гъиб* суммированы в Таблице 1.

¹ Анализ употребления андийского показателя *-гъиб* в сборнике сказок народов мира подробнее представлен в работе [Майсак 2018].

Показатель *-гъиб* в андийских текстах

	Евангелие	Сказки	Всего
Объем корпуса (в словах)	19000	8500	27500
Количество <i>-гъиб</i> , в том числе:	113	36	149
с числительным «один»	13	6	19
с местоимением «другой»	12	7	19
с местоимением «весь, все»	16	4	20
с демонстративом	6	1	7
с вопросительным местоимением	6	0	6
с рефлексивом	0	1	1
с личным местоимением	1	0	1
с существительным (номинатив)	2	4	6
с прилагательным	17	3	20
с причастием	37	10	47
с послелогом	3	0	3

Как показывают текстовые данные, использование *-гъиб* в значительной степени свойственно словам атрибутивного класса, в первую очередь прилагательным и причастиям (примерно половина всех употреблений), см. (1) и (2)¹. При этом *-гъиб* далеко не всегда маркирует определения – в роли опорного слова могут выступать и именные группы (в т.ч. субстантивные формы местоимений), а также группы с послелогом *леклу* «больше (чем)». В случае, когда *-гъиб* маркирует именную группу, передаваемое значение можно охарактеризовать как контрастивный топик («а что касается X, то...»), см. (3).

(1) ...*мичли-гъиб воццуди льиромчуллоли тлалабло идя бикводду.*

‘{Старший брат чинил канаву, средний катал на крыше каток,} а младший (маленький-CONTR) брат следил за жерновом.’ [Сказки, *Му-халли пайдалли гъакъилли...*]

(2) ...*эницуй буккудя-гъиб ирсиллъли камар иччо.*

‘Отдай мне часть имущества, которое мне причитается (букв. мне должное наследство, должен.РТСР.PRS-CONTR)’ [Лука 15:12]

¹ Ниже в приводимых примерах мы отделяем контрастивные показатели дефисом для большей наглядности; в оригинальных текстах эти показатели в обоих языках пишутся слитно с опорным словом. В фигурные скобки заключены фрагменты предшествующего контекста.

(3) *Во, муалим! Ициди-гъиб эбиду буккудя?*

‘Учитель, а мы (мы.ERG-CONTR) что должны делать?’ [Лука 3:12]

Четверть всех употреблений *-гъиб* (25,5%) приходится на слова «один» и «другой», причем эти слова в андийском языке непосредственно связаны: местоимение *се-б-ло* «другой» образовано от числительного *се-б* «один» (с суффиксальным классным показателем). Семантически склонность контрастивного маркера к этим словам закономерна, поскольку в таких случаях идет противопоставление либо одного референта множеству, либо двух референтов между собой, см. (4). Значение «другой» чаще всего имеет и сочетание указательного местоимения (демонстратива) с контрастивом, см. (5). Также особенностью андийского языка является распространенное использование *-гъиб* с универсальным местоимением *иб* «весь, все», см. (6). Это употребление, напротив, кажется скорее неожиданным, поскольку универсальное местоимение исчерпывает множество альтернатив, так что семантику контраста в данном случае усмотреть труднее (возможно, речь может идти о противопоставлении множества всех референтов любому другому подмножеству этого множества). Заметим, что ни при словах «один» и «другой» (в контексте противопоставления), ни при слове «весь, все» использование *-гъиб* не является строго обязательным – в текстах встречаются сходные примеры без использования этого показателя.

(4) *Сев-гъиб гъегешуво рихиня, севло-гъиб – гъилудя.*

‘{Ни один слуга не может служить двум господам:} одного (один.М-CONTR) он будет ненавидеть, а другого (другой.М-CONTR) любить.’ [Лука 16:13]

(5) *Желомул рельольльи гъундоб-гъиб рагъалло вугъгъинну.*

‘Давайте переправимся на другой (тот.Н-CONTR) берег.’ [Лука 8:22]

(6) *Ургъунниб гъалбацџулало, билочџу бахуннирсси иб-гъиб гъайванучџу гъгъу вватилогусси!*

‘Подумай и о льве, самом сильном из всех (все-CONTR) зверей, живущих в горах!’ [Сказки, *Гъалбацџило гъинкџџуло*]

Контрастивный показатель в рутульском языке. В рутульском языке контрастивный показатель имеет вид *-бый*, в кининском говоре *-бай*. Как правило, показатель сопровождается атрибутивным суф-

фиксом *-ды*. С. М. Махмудова характеризует *-быйды* как «определятельную частицу», которая «выделяет один предмет из числа других подобных, фиксирует внимание на одном предмете из других подобных», ср. *са-быйды кьыхъ* ‘один из телят’, *ми-быйды зер* ‘вот эта корова (из других)’» [4, с. 215]; в той же работе *-бай* назван суффиксом/инфиксом-«актуализатором». В недавней статье, написанной на материале кининского говора, частица *-бай* характеризуется как контрастивная, выражающая «противопоставление между элементами множества похожих объектов».

Для корпусного анализа мы привлекли два текстовых источника, оба они представляют мухадский говор - это изданный в 2004 году перевод Евангелия от Луки и рутульские тексты, вошедшие в 1- 4 тома «Свода памятников фольклора народов Дагестана» (всего 55 текстов, в основном небольших по объему). В фольклорных текстах показатель *-бый* употреблен 20 раз, в переводе Евангелия - 74 раза. Данные по употреблению *-бый* суммированы в Таблице 2.

Таблица 2

Показатель *-бый* в рутульских текстах

	Евангелие	Свод	Всего
Объем корпуса (в словах)	19200	19200	38400
Количество <i>-бый</i> , в том числе:	74	20	94
с числительным «один»	16	10	26
с демонстративом	11	7	18
с прилагательным	6	2	8
с причастием	35	1	36
с наречием	4	0	4
с существительным (локативы)	2	0	2

В рутульских текстах контрастивный показатель менее частотен, и разнообразие опорных слов также менее значительно. Как и в андийском, почти в половине случаев в роли опорных слов выступают прилагательные и причастия, см. (7) и (8). Аналогично, в рутульском значительная часть употреблений контрастива (почти 47%) приходится на слово «один» либо на демонстратив, который в сочетании с показателем *-бый* приобретает значение «другой», см. (9) и (10). В единичных случаях отмечены сочетания *-бый* с наречиями и локативными формами имени, см. (11) и (12).

(7) *Джыбра хьуд йыгъа жине кIаьды-быйды рыш сириргара.*

‘На следующий день мачеха отправила свою младшую (маленький-CONTR) дочь.’ [Свод, т. 2, №47]

(8) *Амма Ва гьухьуд-быйды кьуле йыкьыхь, За гьухьуд ваь!*

‘Но пусть не Моя воля (букв. мной сказанное, говорить.РТСР.PFV-CONTR) исполнится, а Твоя!’ [Лука 22:42]

(9) *Са-быйды гьыIрчехъанара рухьура...*

‘И тут один (один-CONTR) из охотников говорит...’ [Свод, т. 4, №83]

(10) *Тим-быйние рухьура: (...)*

‘{Героиня рассказа видит трех девушек. Одна говорит (...).} Другая (тот-CONTR.ERG) говорит: (...)’ [Свод, т. 2, №60]

(11) *...хьура-бый «Иуда» хьур дур гьад ЦыкьIурникнаа сабыйды гине.*

‘{Когда Он это говорил, появилась толпа,} и впереди (впереди-CONTR) шел тот, кого звали Иудой, один из двенадцати.’ [Лука 22:47]

(12) *ЙыкьIахълаа-бый йиркьыр, гьа керыркъара ГьIасад чухуйед этегек.*

‘Подойдя сзади (спина.POST.ELAT-CONTR), она прикоснулась к краю Его плаща.’ [Лука 8:44]

Функция контрастивного показателя при наречных группах, по всей видимости, также состоит в подчеркивании указываемого направления или локализации, например, «впереди (из других возможных местоположений)», «сзади (из других возможных направлений)» и пр. Эта функция упоминается в работе С. М. Махмудовой, которая говорит о том, что *-бый* выражает в данном случае «совсем конкретизированное направление»: *мидиъне-бый* «именно по направлению сюда» (< *мидиъне* «по направлению сюда»), *тиниъне-бый* «именно по направлению туда» (< *тиниъне* «по направлению туда»), *гьаъна-бый* «именно снаружи, наружу» (< *гьаъна* «по направлению наружу») [3, с. 203].

Заключение. Анализ употребления контрастивных показателей в текстах двух не близкородственных дагестанских языков показывает как сходства, так и различия между этими показателями. Как мы упо-

минали выше, в двух языках показатели контрастива имеют разную частотность: если для андийского корпуса частотность *-гъиб* составляет 5,42 употребления на тысячу слов, то для рутульского она более, чем вдвое меньше - 2,45. Распределение по типам опорных слов (составляющих) также различается, однако здесь можно выделить общее ядро: в обоих языках наиболее частотны контрастивные показатели именно на определениях (в особенности прилагательных и причастиях), хотя не ограничены ими, но встречаются и на именных и адвербиальных группах. Также бросается в глаза распространенность контекстов, в которых контрастивный показатель следует за словом «один» или «другой». Появление контрастива на слове «другой» факультативно в андийском языке, однако он является обязательным компонентом местоимения «другой» в рутульском (где «другой» происходит из сочетания демонстратива с контрастивом, ср. *тин* «тот» > *тимбайды* «другой»)¹.

Для каждого языка можно отметить употребления, не характерные для другого - так, в андийском это факультативное использование контрастива при местоимении «весь, все», а также на именных группах в функции контрастивного топика («что касается X, ...»). В рутульском к таким употреблениям можно отнести появление контрастива на наречиях и локативных формах имени. Можно надеяться, что дальнейшие сопоставительные исследования контрастивных маркеров позволят четче выделить «ядро» и «периферию» их употреблений в языках нахско-дагестанской семьи.

В заключение отметим, что обоих рассмотренных нами языках контрастивные маркеры обладают сходными морфосинтаксическими свойствами: группа, которую они оформляют, может выступать как в функции определения, так и подвергаться субстантивации. В последнем случае от формы на *-гъиб* и, соответственно, *-бай(ды)* образуется регулярная падежно-числовая форма, ср. андийское *севло-гъиб* «другой» (номинатив) > *севло-гъиб-ш-ди* (эргатив, с показателем косвенной основой мужского рода *-ш-* и падежным суффиксом *-ди*), аналогично рутульское: *тим-бый-ды* «другой» (номинатив, с атрибутивом *-ды*) > *тим-бый-ни-е* (эргатив, с показателем косвенной основой одушевленного типа *-ни(й)-* и падежным суффиксом *-е*). Для андийских показателей *-кЮб* и *-гъиб* наиболее правдоподобным кажется происхождение из форм перфективных причастий бытийных глаголов

¹ О деривационных моделях слов со значением «другой» в нахско-дагестанских языках см. [Lander, Maisak (to appear)].

(«тот, который является») *бикIоб* и *бигъиб*. Этимология рутульского *-бий / -бай* пока остается неясной.

Литература:

1. Богуславская О. Ю. Структура именной группы: определительные конструкции в дагестанских языках: дис... канд. филол. наук. М., 1989. 205 с.

2. Зализняк Анна А., Туровский В. В. О месте категории рестриktivности среди смежных явлений // Лингвистические исследования: Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Ч. I. М.: Наука, 1984. С. 113-121.

3. Махмудова С. М. Морфология рутульского языка. М.: Советский писатель, 2001. 256 с.

4. Салимов Х. С. Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. 420 с.

5. Сулейманов Я. Г. Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1957. 431 с.

6. Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014. – 752 с.

7. Федоренко А. И., Федоренко А. А. Контрастивный показатель *-baj-* / *-bajdi-* в рутульском языке // Материалы III Студенческой конференции Института лингвистики 2017. М.: РГГУ, 2019.

8. Boguslavskaja O. Ju. Genitives and adjectives as attributes in Dagestani // Plank F. (ed.). Double Case: Agreement by Suffixaufnahme. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 230-239.

9. Lander Y., Maisak T. 'Other' strategies in the Eastern Caucasus // Iran and the Caucasus. To appear.

Источники:

1. Дунялла бахуннирсси халгъгъиллIол гъгъванаб мицIцIиллассол мухал / Отв. ред. П. А. Магомедова, пер. М. А. Алисултановой. Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010. 26 с. (Сказки народов мира на андийском языке)

2. Лукадаады шадды хабар / Пер. С. М. Махмудова; ред. М. Е. Алексеев. М.: Библие мадды чIилмы хъывгад Институтара, 2004. – 135 с. (Евангелие от Луки на рутульском языке)

3. Лукашди босам рергъанольльи хабар. М.: Библиялльыс таржама идя институти, 2015. 180 с. (Евангелие от Луки на андийском языке)

4. Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 1. Сказки о животных / Сост. А. М. Ганиева. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. 377 с.

5. Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 2. Волшебные сказки / Сост. А. М. Ганиева. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. 652 с.

6. Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 3. Бытовые сказки / Сост. Ф. А. Алиева. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. 565 с.

7. Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 4. Мифологическая проза / Сост. М. Р. Халидова. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. 293 с.

УДК 81-21

**ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ
СОСТАВА АВАРСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ «ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ»
КАК ГЕНДЕРНОГО СТЕРЕОТИПА**

Л. А. Мисиева,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала

В настоящей статье впервые определены особенности лексико-грамматического состава аварских гендерных паремиологических единиц, характеризующих женщин: выявлены и интерпретированы субстантивные и оценочные глагольные символические лексические единицы, формирующие положительные и отрицательные образы женщин; охарактеризованы коннотативные составляющие гендерно обусловленных паремиологических образов.

Ключевые слова: *аварский язык, паремии, женские образы, лексико-грамматические особенности, принцип алогизма, коннотации, смысловые отношения.*

This article for the first time identifies the features of the lexicon-grammatical composition of the Avar gender paremiological units that characterize women: the substantive and appraisal verb symbolic lexical units that form positive and negative images of women; characterized by connotative components of gender-based paramyological images.